

Н. В. Гоголь

**Полное собрание
сочинений**

**Том 2. Арабески.
Драматические сочинения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Полное собрание сочинений: Том 2. Арабески. Драматические сочинения / Н.
В. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2022. – 674 с.

ISBN 978-5-518-08672-2

ISBN 978-5-518-08672-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРАГО ТОМА.

АРАБЕСКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стран.
Скульптура, живопись и музыка	5
О средних вѣкахъ	11
Глава изъ историческаго романа	25
О преподаваніи всеобщей исторіи	38
Портретъ. Повѣсть. Въ первоначальномъ видѣ	55
Взглядъ на составленіе Малороссіи	103
Нѣсколько словъ о Пушкинѣ	116
Объ архитектурѣ нынѣшняго времени	123
Ал-Мамунъ, историческая характеристика	146

АРАБЕСКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь	155
Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ	159
Невскій проспектъ. Повѣсть	165
О Малороссійскихъ пѣсняхъ	206
Мысли о Географіи. Для дѣтскаго возраста	215
Последній день Помпеи, картина Брюлова	225

	Стран.
Плѣнникъ. Отрывокъ изъ историческаго романа	234
О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка	241
Записки сумасшедшаго	272
Журнальныя статьи. Приложение къ Арабескамъ	
I. О движеніи журнальной Литературы, въ 1834 и 1835 году	295
II. Петербургскія записки 1836 года	320

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Ревизоръ	339
Приложенія къ комедіи ревизоръ	
I. Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія реви- зора. Къ одному литератору	436
II. Двѣ сцѣны, выключенныя, какъ замедляв- шія теченіе пьесы	443
III. Развязка ревизора	448
Жениться, совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ	462
Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены	525
Утро дѣловаго человѣка	567
Лакейская	583
Отрывокъ	591
Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи	605
Альфредъ. Начало трагедіи изъ англійской исторіи	645

А Р А Б Е С К И.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Собрание это составляют піесы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моеѣ жизни. Онѣ высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ много молодаго. Признаюсь, нѣкоторыхъ піесъ я бы, можетъ быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но, вмѣсто того, чтобы строго судить свое прошедшее, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ настоящимъ. Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности. Притомъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ-три еще несказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ-три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго.

Я долженъ сказать о самомъ изданіи. Когда я прочиталъ отпечатанные листы, меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогѣ, излишности и пропуски, происшедшіе отъ моеѣ неосмотрительности. Но недосугъ и обстоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извинятъ меня.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

Благодарность Зиждителю мирiадъ за благость и состраданiе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить миръ: безъ нихъ онъ бы былъ пустыня и безъ плънiя катился бы по своему пути. Дружнѣ, союзнѣ сдвинемъ наши желанiя и первый кубокъ за здравiе скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она — мгновенное явленiе. Она оставшiйся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнью; она ясный призракъ того свѣтлаго, греческаго мира, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленiе вѣковъ, скрылся уже туманомъ и до котораго достигаетъ одна только мысль поэта. Миръ, увитый виноградными гроздiями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; миръ, несущiйся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движенiй, гдѣ чувство красоты проникло всюду — въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колонъ, на площадъ, кипящую живымъ своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающiй чашу пиршества, изображающiй всю вью-

щуюся вереницу граціозной міеологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони, Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключалась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины, — этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая млечная, дышущая въ прозрачномъ мраморѣ красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человѣкъ является прекраснымъ, гордымъ, и вольно становится атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ, — такъ чувство красоты пластической, спокойной, пересиливаетъ въ ней стремленіе духа! Она никогда не выражала долгаго, глубокаго чувства, она создавала только быстрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль страданія, ужасъ, испугъ при внезапности, слезы, гордость и презрѣніе и, наконецъ, красоту, погруженную саму въ себя. Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собою нѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ тѣхъ тайныхъ, бездѣльныхъ чувствъ, которыя влекутъ за собою безконечныя мечтанія. Въ ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясеній и переворотовъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ, ясно образованнымъ міромъ, выразила его — и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразить ея высокія явленія

христіанства: она такъ же отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая вѣра. Никогда возвышенныя, стремительныя мысли не могли улетѣть на ея мраморной, сладострастной наружности. Онѣ поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сестры ея, живопись и музыка, которыхъ христіанство воздвигнуло изъ ничтожества и превратило въ исполненное. Его порывомъ онѣ развились и исторгнулись изъ границъ чувственнаго міра. Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... свѣтлѣ сіяй бокалъ мой въ моей смиренной кельѣ, и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, взглядываясь въ которыя слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галереи, гдѣ изъ старинныхъ, позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоитъ, сложивши на крестъ руки, безмолвный зритель, и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, взоръ его дышетъ наслажденіемъ нездѣшнымъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи; нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій. Взгляните на нее задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: какъ вдохновененъ и дологъ ясный взоръ ея! Она не схватываетъ одного только быстрого мгновенія, какое выражаетъ мраморъ: она длитъ это мгновеніе, она продолжаетъ жизнь за границы чувственнаго, она похищаетъ явленія изъ другаго безграничнаго міра, для названія которыхъ нѣтъ словъ. Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти понятныя всякому, но чувственность

уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все. Страданіе выражается живѣе и вызываетъ состраданіе, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всё прекрасныя явленія, окружающія человѣка, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человѣка съ природою въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ.

Но сильнѣе шипи третій бокалъ мой! ярче сверкай и брызгай по золотымъ краямъ его звонкая плѣна! ты сверкаешь въ честь музыки. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ. Она вся порывъ; она вдругъ за однимъ разомъ отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она властительно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не сострадаетъ, онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнью живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, развила и дышетъ въ тысячѣ разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна, но могущественнѣе и восторженнѣе подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни моельщиковъ стремитъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помысленія, кружитъ и песется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи остроконечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись — тихій восторгъ и мечтаніе, музыка — страсть и смятеніе души. Разсматривая мраморное произведеніе скульптуры, духъ невольно погружается въ упоеніе; разсматривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе;